

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.075-083

С. В. Зыков*

Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики

Аннотация. В статье рассматриваются варианты соотношения прав на определение места жительства ребенка и определение порядка общения с отдельно проживающим родителем и родительского права на воспитание, в том числе как стадии механизма правового регулирования, секундарных, акцессорных и деривативных прав. Последняя категория (пока не устоявшаяся в частном российском праве) является наиболее соразмерной рассматриваемому явлению. В статье анализируется судебная правоприменительная практика за 2020 г. На основе сплошной выборки делаются как статистические, так и содержательные выводы. Судебное правоприменение по делам об определении места жительства ребенка остается дискриминационным по отношению к отцам. Статус родителя, проживающего отдельно от ребенка, также умаляется судами (посредством, в частности, оговорок в резолютивной части решения, ставящих его исполнение в зависимость от воли другого родителя; усеечения времени общения; неопределенности формулировок, делающих решение неисполнимым в принудительном порядке и т.п.). На этом фоне особенно безосновательно выглядят случаи привлечения такого родителя к ответственности за ненадлежащее воспитание.

Ключевые слова: дети; права родителей; право на воспитание; право на определение места жительства; право на определение порядка общения; органы опеки и попечительства; гендерная дискриминация; споры, связанные с воспитанием детей; споры о детях; семейное право.

Для цитирования: Зыков С. В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 3. — С. 75–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.075-083.

Parental Rights to Determine the Child's Place of Residence and the Order of Communication with the Child: Issues of Theory and Practice

Sergey V. Zikov, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Novosibirsk National Research University
ul. Nikolaeva, d. 8, Novosibirsk, Russia, 630090
zykovsv@yandex.ru

Abstract. The paper deals with interrelations between the rights to determine the place of residence of the child, determination of the order of communication with a parent and the parental right to upbringing, including, as a stage of the mechanism of legal regulation, secondary, accessory and derivative rights. The latter category (not yet established in private Russian law) is the most proportionate to the phenomenon under consideration.

© Зыков С. В., 2022

* Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, старший преподаватель Новосибирского национального исследовательского университета
Ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Россия, 630090
zykovsv@yandex.ru

The paper analyzes judicial law enforcement practice for the year 2020. On the basis of a continuous sample, both statistical and meaningful conclusions are made. Judicial enforcement in cases of determining the place of residence of a child remains discriminatory against fathers. The status of a parent living separately from the child is also diminished by the courts (through, in particular, reservations in the operative part of the court decision, making its enforcement dependent on the will of the other parent; decreasing communication time; uncertainty and ambiguity of wording making the decision unenforceable, etc.). Against this background, the cases of bringing such a parent to responsibility for improper upbringing look especially groundless.

Keywords: children; parents' rights; right to upbringing; right to determine the place of residence; right to determine the order of communication; custody and custodial authorities; gender discrimination; disputes related to the upbringing of children; disputes about children; family law.

Cite as: Zykov SV. Roditel'skie prava na opredelenie mesta zhitel'stva rebenka i poryadka obshcheniya s nim: problemy teorii i praktiki [Parental Rights to Determine the Child's Place of Residence and the Order of Communication with the Child: Issues of Theory and Practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(3):75-83. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.075-083. (In Russ., abstract in Eng.).

В современных условиях, к сожалению, раздельное проживание родителей является распространенной практикой, что предопределяет необходимость регулирования отношений по поводу детей между самими родителями. Одним из вопросов семейного права, имеющих важное как теоретическое, так и практическое значение, является проблема соотношения родительских прав на определение места жительства ребенка (определения порядка общения с отдельно проживающим родителем) с правом на воспитание. В. А. Ворожейкин, выделяя в родительских правах наряду с абсолютным также относительный аспект (по отношению к детям), вслед за В. А. Рясенцевым не признавал его в отношениях между родителями. По его мнению, их права по отношению друг к другу выступают в качестве абсолютных; однако на их осуществление (ограниченное интересами детей и обязанностями перед обществом) влияют также отношения между родителями, в том числе раздельное проживание¹. Право на определение места жительства ребенка интерпретировалось исследователем в качестве «основы, фундамента для нормального осуществления родительских прав и обязанностей»². На спорах между родителями исследователь не останавли-

вался, однако интересно проходное упоминание «иллюзии какого ложного преимущества супруга, с которым ребенок проживает, в его правах по отношению к нему»³.

Теоретически право на определение места жительства (порядка общения) по отношению к праву на воспитание могут рассматриваться как стадии механизма правового регулирования, в ходе которого содержание субъективного права изменяется, совершаются процедуры служебного характера; достигая промежуточных правовых результатов, субъект вступает в организационные отношения⁴, при этом наряду с простым существует и сложный механизм осуществления права и исполнения обязанностей⁵. Однако, не говоря о том, что первые из указанных прав возникают эвентуально, лишь при раздельном проживании родителей (в отличие от фундаментального права на воспитание) эти права обладают явными признаками самостоятельности, поэтому не представляется возможным рассматривать их в качестве стадий единого процесса, такие стадии четко просматриваются применительно к каждому из указанных прав.

С учетом столь тесной взаимосвязи напрашивается рассмотрение вопроса об отнесении первых из указанных прав к вторичным. Однако

¹ Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М. : Юрид. лит., 1972. С. 174, 179–185, 189.

² Ворожейкин Е. М. Указ. соч. С. 196.

³ Ворожейкин Е. М. Указ. соч. С. 191.

⁴ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2016. С. 111–114.

⁵ Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 181–182.

при восприятии данной категории российским правом из германского многие авторы высказывали сомнения в выделении их в качестве особых субъективных гражданских прав либо в возможности отнесения к таким правам вообще⁶. В настоящее время явно побеждает концепция субъективного секундарного права⁷, но, даже находясь в этой парадигме, следует признать, что даваемые ему дефиниции не позволяют отнести к данной категории право на определение места жительства ребенка при раздельном проживании родителей. Так, в секундарном праве «в отличие от активной стороны обязательства, интерес секундарно-управомоченного лица удовлетворяется за счет собственных действий»⁸, оно «реализуется односторонним волеизъявлением или собственным поведением управомоченного» и с момента этого волеизъявления или действия «вызывает принудительное правовое последствие»⁹. С оговоркой, что «большинство субъективных прав являются предпосылкой для иных субъективных прав, т.е. в разной мере обладают чертами секундарности»¹⁰.

Следует рассмотреть применительно к данным отношениям категорию акцессорных прав. В гражданском праве (доктрина и судебная практика использует в качестве синонимичного термин «дополнительные») в качестве таковых понимается ряд обеспечительных обязательств, перечисленных в ст. 329 ГК РФ. В качестве их признаков выделяется связь с основным обязательством, в том числе в части таких аспектов,

как срок исковой давности, по общему правилу одновременное правопреемство, прекращение с прекращением главного, недействительность при недействительности основного обязательства¹¹. Нетрудно увидеть аналогичные связи рассматриваемых прав с правом на личное воспитание. Проблема заключается в том, что понятие акцессорности применяется к обеспечительным правам, не обладая признаком общей категории частного (или хотя бы гражданского) права. В то же время в литературе указывается на необходимость расширить понятие акцессорности за пределы обеспечительных мер¹² и данная позиция не является мнением единичного автора; так, другими исследователями указывается на акцессорный характер сервитута, соглашений об изменении и расторжении договора¹³. В конце концов понятие акцессорности не является монополией гражданского права, применяясь и в праве уголовном, почему бы ему и не иметь свою специфику в рамках семейного права?

Могут быть предложены и другие варианты. Так, В. А. Белов выделяет правоотношения «автономные» и «связанные» (среди них «акцессорные» и «субсидиарные»)¹⁴, одновременно в рамках «генетической классификации» выделяет правоотношения «производные или деривативные», т.е. «возникшие «на базе» других правовых форм»¹⁵. Очевидно, что последняя категория (в случае ее принятия научным сообществом, пока обнаруживается поддержка только отдельными исследователями¹⁶) была

⁶ Иванова С. И. К вопросу о понятии секундарных прав и правоотношений // Государство и право. 2011. № 10. С. 104.

⁷ См., например: Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11 ; Бабаев А. Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.

⁸ Бабаев А. Б. Указ. соч. С. 6.

⁹ Кравченко А. А. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 175.

¹¹ Буркова А. Ю. Акцессорные обязательства // Вестник арбитражной практики. 2012. № 2 (39). С. 40–44.

¹² Крашенинников М. П. К вопросу об акцессорности // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 48.

¹³ Крашенинников М. П. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ Белов В. А. Гражданское право : учебник для вузов : в 2 т. М. : Юрайт, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 156.

¹⁵ Белов В. А. Указ. соч. С. 157.

¹⁶ Фролов А. И. Концепция деривативного обязательства в гражданском праве // Закон. 2017. № 11. С. 193–202.

бы наиболее соразмерной рассматриваемым правам.

При этом право на определение порядка общения с отдельно проживающим родителем, обладая теми же чертами производности по отношению к родительскому праву на личное воспитание, что и право на определение места жительства с ребенком, является вынужденно ослабленным (суррогатным) по отношению к нему. Соответственно, правоприменитель, исходя из принципа равенства родительских прав, в данном случае — права родителя, с которым проживает ребенок, по возможности должен стремиться компенсировать это объективное ограничение (ослабление).

Обращаясь к судебной практике по спорам об определении места жительства ребенка (нами были рассмотрены все дела по соответствующей норме за 2020 г., находящиеся в базе «Судебные и нормативные акты РФ»), трудно не заметить региональные различия в ней. Так, судами Северо-Кавказского федерального округа в пользу отцов вынесено 36,4 % решений, в то время как остальными — 20,8 %, почти в два раза меньше. Разумеется, это не означает различия правовой основы (ссылки на мусульманское право, национальные обычаи встречаются только в контексте заключения или расторжения брака), хотя некоторые различия в нормативном обосновании просматриваются. В решениях судов Северо-Кавказского федерального округа крайне редко упоминается принцип 6 Декларации прав ребенка¹⁷, из международных актов суды применяют Конвенцию о правах ребенка¹⁸, в частности норму п. 1 ст. 9, которая сформулирована принципиально иначе, чем вышеуказанное положение принятой тридцатью годами ранее Декларации, применение которого в настоящее время не является оправданным.

Например, исключительно на принципе 6 Декларации было построено решение об определении места жительства ребенка с матерью, притом что по обстоятельствам дела ребенок проживал с отцом (более 2 лет), хотел с ним жить; при этом суд трижды подчеркнул, что оба родителя характеризуются положительно; исполнение такого решения означало изменение учебного заведения, в котором у мальчика сложились хорошие отношения и с товарищами, и с учителями¹⁹. Следует предвосхитить возможные предположения о «похищении»: ребенок остался с отцом в 2017 г. в силу нежелания матери его принять после посещения, сам отец не препятствовал общению с матерью, предоставляя возможности общения как с помощью средств связи, так и лично на каникулах.

В другом деле (дети проживали с отцом, были к нему привязаны) суд также сослался на «отсутствие исключительных обстоятельств», предусмотренных указанным принципом Декларации²⁰ (орган опеки и попечительства указал на целесообразность отказа отцу в иске, хотя в его же заключении было констатировано, что «стороны имеют равные возможности обеспечить детям полноценное развитие, воспитание и отдых»).

Непосредственно норма Декларации применялась лишь в 13 % дел (мы исключили из подсчета споры, в которых иск был признан). Однако значительно чаще в мотивировочной части (также в заключении органов опеки и попечительства, отраженном в описательной части) встречается формулировка «отсутствие исключительных обстоятельств, препятствующих определению места жительства несовершеннолетних с матерью», в качестве основания отказа в иске отцу об определении места

¹⁷ Принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г. на 841-м пленарном заседании Резолюцией 1386 (XIV) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁸ Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

¹⁹ Решение Сретенского районного суда Забайкальского края от 03.07.2020 по делу № 2-359/2020.

²⁰ Решение Мытищинского городского суда Московской области от 28.01.2020 по делу № 2-5379/2019.

жительства ребенка с ним без указания наименования нормативного акта²¹.

Заметим также, что в бесспорных случаях указанная ссылка не приводится, суд в мотивировочной части дает ссылки на нормы СК РФ, регулирующие родительские права и обязанности. Это справедливо и для второй «опоры» гендерно дискриминационной практики определения места жительства ребенка — критерия возраста, согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»²² являющегося приоритетным (чем прямо изменена норма абз. 2 п. 2 ст. 65 СК РФ, где указанный критерий приоритетным не является): данная правовая позиция не всегда применяется с указанием на источник.

Нерешаемой проблемой для нашего правоприменения является синдром отчужденного родителя (PAS). Так, в одном из дел, в котором органы опеки выявили лишь негативное отношение к отцу («так как отец скандалит, не работает, не заботится о них»), независимая экспертиза обнаружила в качестве причины такого отношения со стороны одного из детей «психологическую индукцию со стороны иных членов семьи». Суд, согласившись с экспертизой, тем не менее обосновал определение места жительства детей с матерью не только вышеуказанными критерием возраста и отсутствием исключительных обстоятельств для разлучения с ней, но и «желанием» самих детей²³.

Не следует удивляться тому, что в приведенном деле органы опеки и попечительства не выявили влияния на мнение ребенка: они исходно на это не настроены, поскольку данный вопрос не фигурирует среди предусмотренных актом

обследования²⁴, но, даже если бы проблема была для них ясно обозначена, они не смогли бы обнаружить такое влияние в силу отсутствия среди квалификационных требований к работникам этих органов психологического образования.

Абзац 3 п. 20 вышеуказанного постановления прямо обязывает при проведении опроса ребенка выяснять, «не является ли мнение ребенка следствием воздействия на него одного из родителей или других заинтересованных лиц», тем не менее оценка факта или возможности такого воздействия крайне редко получает отражение в судебных решениях. Если же и фигурирует ссылка на данное требование, то суд считает указанные требования соблюденными просто по факту удаления родителей из зала непосредственно во время опроса ребенка²⁵ (ребенок высказал «обиду» на отца, однако источник данного чувства, возможность его формирования матерью, с которой он проживал, суд не выяснял, по меньшей мере какого-либо отражения в решении эти вопросы не получили). Равным образом в другом деле не получили оценку суда слова ребенка, указавшего в качестве мотивов нежелания проживать с отцом, что «со слов матери, отец угрожает»²⁶; приведенное дело интересно также «креативным» подходом к рассмотрению споров между родителями: суд определил место жительства ребенка в г. Твери с бабушкой и прабабушкой (мать проживала в г. Москве) со ссылкой на принцип Декларации о неразлучении ребенка с матерью.

В целом, рассматривая участие данных органов, можно отметить, что в их заключениях нередко личные оценки сотрудников подменяют изучение обстоятельств семейного спора. Вызывает удивление, когда органы опеки и попечи-

²¹ См., например: решение Видновского городского суда Московской области от 25.05.2020 по делу № 2-4405/2019.

²² Российская газета. 1998. № 110.

²³ Решение Центрального районного суда г. Барнаула от 21.05.2020 по делу № 2-68/20.

²⁴ Акт обследования условий жизни несовершеннолетнего гражданина и его семьи (форма). Утвержден приказом Министерства просвещения РФ от 10.01.2019 № 4 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 27 марта 2019 г.

²⁵ Решение Раменского городского суда Московской области от 07.07.2020 по делу № 2-2445/2020.

²⁶ Решение Химкинского городского суда Московской области от 16.07.2020 по делу № 2-1103/2020.

тельства по месту жительства матери ребенка предлагают определить место жительства с ней в ситуации, когда ребенок был ранее оставлен отцу и не помнит родной матери, называя мамой мачеху²⁷, или уклоняются от заключения, когда дети, оставленные неработающей, без определенного места жительства матерью, проживают с отцом²⁸, — очевидна или некомпетентность, или гендерные стереотипы (в подавляющем большинстве дел они поддерживают позицию матери ребенка). Суды, как правило, поддерживают позицию данных органов, мотивируют их заключениями выносимые решения. Совсем иное отношение судей к экспертизам, которые проводятся, как правило, на несопоставимо более высоком профессиональном уровне. Так, в одном из решений (ребенок хотел проживать с отцом и проживал с ним на момент спора) по поводу заключения эксперта, в котором было выявлено негативное отношение к матери и положительное отношение к отцу, было сказано, что оно «не дает оснований суду полагать, что проживание <...> с матерью невозможно»²⁹. При этом не было сформулировано никаких претензий к заключению эксперта, не говоря о проведении экспертиз повторной либо дополнительной. Более того, оно не противоречило позиции органа опеки и попечительства по месту жительства отца ребенка, который (уклонившись и от явки, и от заключения по существу, что часто встречается по делам, где имеются основания определить место жительства с отцом) указал в акте обследования и на позицию ребенка, и на надлежащие условия проживания и воспитания. По делу, на которое была дана ссылка в предшествующем абзаце, суд оставил ребенка с матерью, несмотря на факт ее привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей (как мы понимаем, отец при таком «послужном

списке», вероятно, получил бы не ребенка, а ограничение родительских прав).

Последнее указанное решение показательное еще и в качестве примера умаления прав отдельно проживающего родителя: встречи обуславливались судом «учетом желания ребенка» (что дает возможности родителю, с которым проживает ребенок, его соответствующим образом настроить или просто обосновать невозможность встречи отсутствием у ребенка желания); в период же каникул (дополнительно) «по предварительному согласованию с матерью ребенка не менее чем за 30 дней». В другом решении резолютивная часть, кроме условий (в присутствии матери и по предварительному согласованию с ней), содержит еще явную неопределенность («не реже 4 раз в месяц, от одного до двух часов... с обеспечением необходимого гигиенического режима и режима питания»)³⁰. Последнее обстоятельство также фактически ставит отдельно проживающего родителя в зависимость от родителя, с которым проживает ребенок (тем самым нарушая конституционный принцип равенства их прав), а также делает такие решения неисполнимыми в принудительном порядке, лишая родителя судебной защиты.

Кроме усечения объема общения, нередко суд определяет график в трудноисполнимом виде. Например, отец хотел (с учетом сложившихся отношений) проводить с ребенком три дня, суд назначил часть субботы плюс все рабочие дни (с понедельника по пятницу включительно), но по два часа (с 17:00 до 19:00) «с обязательным возвращением ребенка по месту жительства матери»³¹. Интересно, что в указанном деле формулировка правовой позиции последней «проживание ребенка на два дома травмирует малолетнего ребенка, у него формируется неправильное представление о доме, о семье и родных людях» очень напо-

²⁷ Решение Кировского районного суда г. Махачкалы от 14.07.2020 по делу № 2-687/2020.

²⁸ Решение Шилкинского районного суда от 03.02.2020 по делу № 2-1100/2019.

²⁹ Решение Хабаровского районного суда от 24.04.2020 по делу № 2-2012/2019.

³⁰ Решение Центрального районного суда г. Тулы от 28.07.2020 по делу № 2-1722/2020.

³¹ Решение Зеленогорского городского суда от 14.07.2020 по делу № 2-760/2020.

минает текст вызвавшего справедливую критику определения ВС РФ от 29.01.2019 по делу № 18-КГ 18-223 (которое, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения); обнадеживает, что данное решение — единственный за весь год случай, когда положения этого крайне спорного документа переключались в акты нижестоящих судов.

В то же время странно, на наш взгляд, выглядит привлечение к административной ответственности отдельно проживающего родителя в следующем деле. Несовершеннолетняя, проживая с матерью, пропускала уроки в школе, иногда не ночевала дома. К административной ответственности за ненадлежащее воспитание по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ привлекли ее отца, который не согласился с постановлением, считая, что он «не имел возможности в полной мере осуществлять свои родительские права и обязанности», поскольку он не проживает совместно с дочерью и общению с ней препятствует мать дочери — его бывшая жена (последняя, как следует из материалов дела, к ответственности не была привлечена вообще). Суд счел, что эти обстоятельства «не препятствуют в осуществлении контроля в обучении дочери и посещении ею занятий в школе, а также отдельное проживание с дочерью не препятствует контролировать нахождение несовершеннолетней дочери в ночное время»³². На наш взгляд, абсурдность данного судебного постановления не нуждается даже в комментариях. Было бы понятно, если бы несовершеннолетняя не была устроена в образовательное учреждение вообще: пункт 1 ст. 66 СК РФ (право на участие в решении вопросов получения ребенком образования) дает отдельно проживающему родителю возможность решить данный вопрос, либо если пропуски имели бы место в периоды их общения, однако очевидно, что возможность контролировать текущую жизнь ребенка в полном объеме у такого родителя отсутствует.

Справедливости ради надо отметить, что нам попала в делах за 2020 г. и адекватная правовая позиция, надлежащим образом обеспечивающая права и законные интересы отдельно проживающего родителя. Прикубанский районный суд г. Краснодара рассмотрел достаточно необычный спор: отдельно проживающий отец ребенка, не получив всей запрошенной им информации от организации, где его дети посещали развивающие занятия и получали медицинские услуги специалистов (центр развития ссылался частично на отсутствие информации, частично — на ее конфиденциальность), обратился с требованием о получении информации к другому родителю. Суд удовлетворил его требования (отказав только в части тех сведений, которые были предоставлены в досудебном порядке)³³, хотя из буквального толкования п. 4 ст. 66 СК РФ обязанным лицом в этом случае является лишь соответствующая организация. На наш взгляд, такое расширительное толкование вполне оправданно и нуждается в закреплении в правовых позициях ВС РФ. Это позволило бы решить и проблему доступа к информации лицам, не являющимся стороной, получающей образовательные, медицинские и аналогичные услуги, и проблему идентификации самих таких организаций для отдельно проживающего родителя.

Мы не имеем возможности рассмотреть все споры между родителями, однако обозначим еще одну группу дел. В литературе высказывалось мнение, что право родителя «бессрочно, безосновательно и фактически безапелляционно ограничить ребенку выезд за границу на основании одного лишь своего волеизъявления», является злоупотреблением правом³⁴. Однако судебная практика за 2020 г. демонстрирует возможности, в случае безосновательности запрета, не только преодоления посредством судебного решения на будущее, но и получения возмещения за несостоявшуюся поездку.

³² Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 13.07.2020 по делу № 12-283/2020.

³³ Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 17.02.2020 по делу № 2-1035/20.

³⁴ Дергунова В. А., Голубенко К. А., Закожурникова Д. О. Правовое регулирование порядка выезда несовершеннолетних граждан из Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91). С. 82.

Исследователи указывают также на отсутствие обязанности уведомления о запрете выезда; однако наше законодательство не предусматривает обязанности уведомления отдельно проживающего родителя и о выезде ребенка за границу. Кроме того, развитые правовые порядки предусматривают обязанность извещения такого родителя о перемещении ребенка внутри государства (что было бы особо актуально для нашей страны, учитывая ее размеры), при этом требуется его согласие на такое изменение

места жительства ребенка, которое может быть восполнено, с учетом всех обстоятельств, судебным решением или решением органов опеки.

В целом, рассматривая судебную практику, следует сделать выводы, что гендерно дискриминационный подход судов к определению места жительства ребенка при раздельном проживании родителей в настоящее время не преодолен, а права отдельно проживающего родителя подвергаются умалению и в части объема, и в части определения условий осуществления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабаев А. Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 22 с.
2. Белов В. А. Гражданское право : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. — М. : Юрайт, 2019. — 451 с.
3. Буркова А. Ю. Акцессорные обязательства // Вестник арбитражной практики. — 2012. — № 2 (39). — С. 39–45.
4. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. — М. : Статут, 2016. — 416 с.
5. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. — М. : Юрид. лит., 1972. — 336 с.
6. Дергунова В. А., Голубенко К. А., Закожурникова Д. О. Правовое регулирование порядка выезда несовершеннолетних граждан из Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 6 (91). — С. 82–90.
7. Иванова С. И. К вопросу о понятии секундарных прав и правоотношений // Государство и право. — 2011. — № 10. — С. 104–108.
8. Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 29 с.
9. Крашенинников М. П. К вопросу об акцессорности // Семейное и жилищное право. — 2012. — № 2. — С. 45–48.
10. Фролов А. И. Концепция деривативного обязательства в гражданском праве // Закон. — 2017. — № 11. — С. 193–202.

Материал поступил в редакцию 20 мая 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Babaev A. B. Problema sekundarnykh prav v rossijskoj civilistike : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2006. — 22 s.
2. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo : uchebnik dlya vuzov : v 2 t. T. 1 : Obshchaya chast'. — M. : Yurajt, 2019. — 451 s.
3. Burkova A. Yu. Akcessornye obyazatel'stva // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. — 2012. — № 1 (39). — S. 39–45.
4. Vavilin E. V. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. — M. : Statut, 2016. — 416 s.
5. Vorozhejkin E. M. Semejnye pravootnosheniya v SSSR. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1972. — 336 s.

6. Dergunova V. A., Golubenko K. A., Zakozhurnikova D. O. Pravovoe regulirovanie poryadka vyezda nesovershennoletnih grazhdan iz Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 1 (91). — S. 82–90.
7. Ivanova S. I. K voprosu o ponyatii sekundarnyh prav i pravootnoshenij // Gosudarstvo i pravo. — 2011. — № 10. — S. 104–108.
8. Kravchenko A. A. Sekundarnye prava v rossijskom grazhdanskom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 29 s.
9. Krashennnikov M. P. K voprosu ob akcessornosti // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. — 2012. — № 2. — S. 45–48.
10. Frolov A. I. Konceptiya derivativnogo obyazatel'stva v grazhdanskom prave // Zakon. — 2017. — № 11. — S. 193–202.